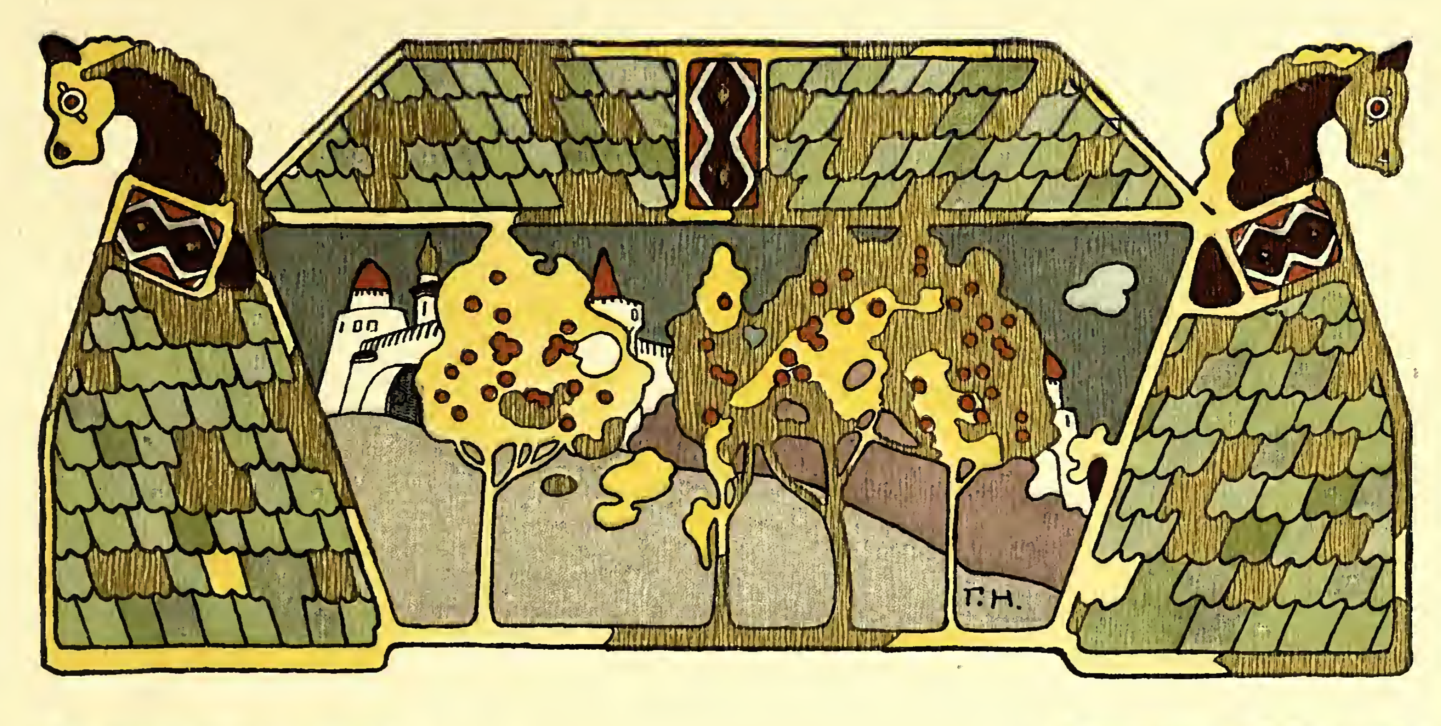

Сказки.
Горшеня.
Снѣгурочка.
Рисунки
Георгія
Нарбута.
Изданіе
«Русска-
го Чтенія».
Г. Н.
1906

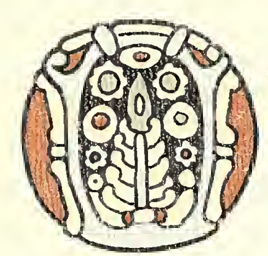
Горшеня

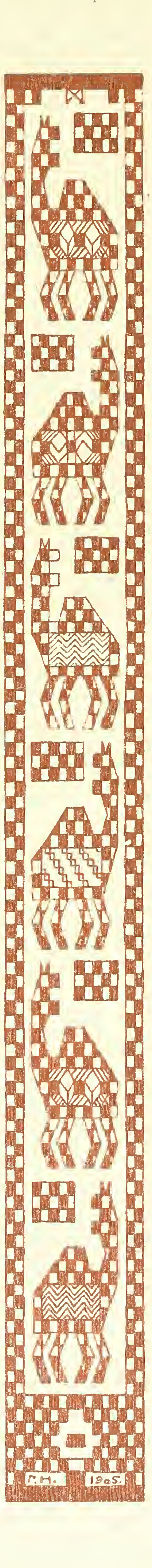

Горшеня ѣдетъ-дремлетъ съ горшками. Догналъ его Осударь Иванъ Васильевичъ. „Миръ по дорогѣ!“. Горшеня оглянулся.—Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ. „Знать вздремалъ?“—Вздремалъ, Великій Осударь! не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ.— „Экой ты смѣлый, горшеня! люблю едакихъ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А што, горшенюшка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься?“—Съ измолоду, да вотъ и середовый сталъ. „Кормишь дѣтей?“—Кормлю, Ваше Царское величество! и не пашу, и не жну, и морозомъ не бьетъ. „Хорошо, горшеня,

но все-таки на свѣтѣ не безъ худа".— Да, Ваше Царское величество! на свѣтѣ есть три худа. „А какія три худа, горшенюшка?"—Первое худо: худой сосѣдъ, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разумъ. „А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?"—Отъ худова сосѣда уйду; отъ худой жены тоже можно, какъ будетъ съ дѣтьми жить; а отъ худова разума не уйдешь — все съ тобой. „Такъ вѣрно, горшеня! ты мозголовъ. Слушай! ты для меня — а я для тебя. Прилетятъ Гуси съ Руси перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!" — Годится, такъ покину — какъ придетъ! а то и на-голо. „Ну, горшеня, постой на часъ! я погляжу твою посуду".

Горшеня остановился, началъ раскладывать товаръ. Осударь сталъ глядѣть и показалъ ему три тарелочки глиняны. „Ты надѣлаешь мнѣ едакихъ?"—Сколько угодно Вашему Царскому величеству? „Возовъ десятокъ надо". — На много ли дашь время? „Мѣсяцъ".—Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. Я для тебя, ты для меня. „Спасибо, горшенюшка!"— А ты, Осударь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представлю товаръ въ городъ? „Буду въ дому у купца въ гостяхъ".

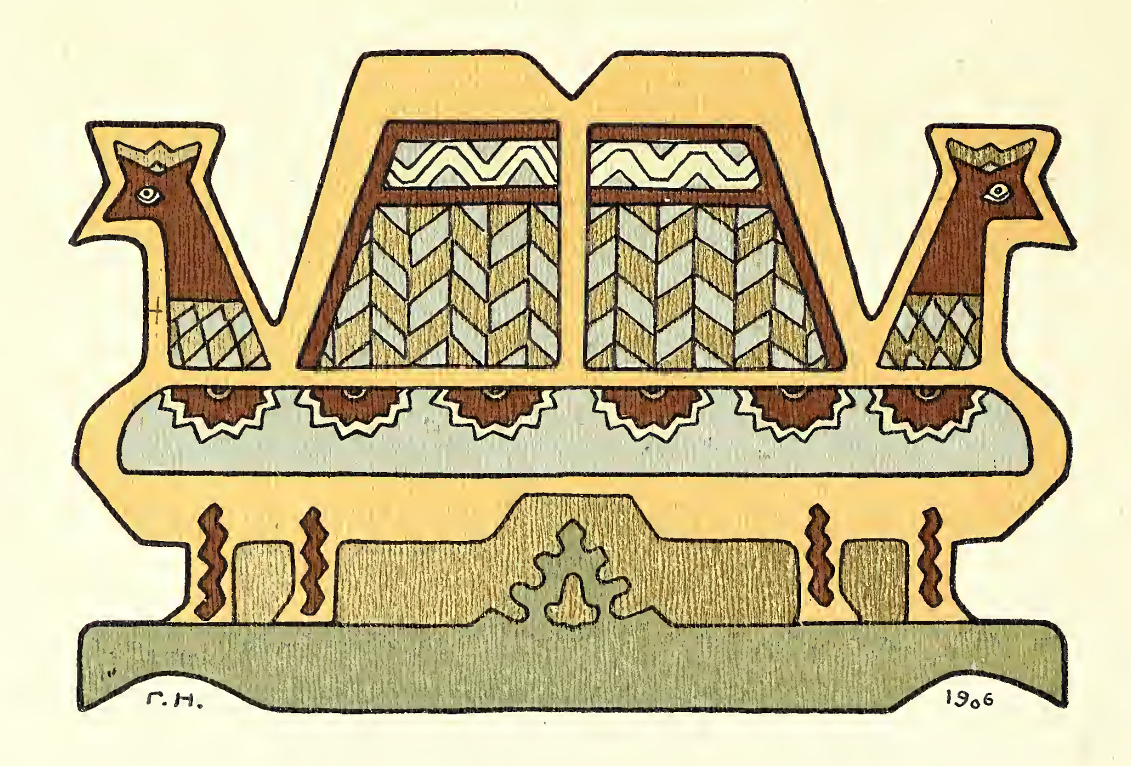

Осударь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы вся глиняная. Горшеня кончилъ заказъ царской и привезъ товаръ въ городъ. Одинъ бояринъ выѣхалъ на торжище къ горшенѣ и говоритъ ему: „Богъ за товаромъ, горшеня!" — Просимъ покорно. „Продай мнѣ весь товаръ."—Нельзя, по заказу. „А што тебѣ, ты бери деньги — не повинятъ изъ этого, коли не взялъ задатку подъ работу. Ну, што возьмешь?"— А вотъ што: каждую посудину насыпать полну денегъ. „Полно, горшенюшка, много!" Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать — хочешь? И сладили. Ты для меня, а я для тебя.— Насыпаютъ да высыпаютъ, сыпали, сыпали... денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ, видя худо, съѣздилъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплютъ да сыплютъ—товару все много. „Какъ быть, горшенюшка?" — Ну што ни ждала? Нечево дѣлать, я тебя уважу — только знаешь што? свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ, и всѣ деньги. Бояринъ мялся, мялся—жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего—сладили.

Выпрягли лошадь — сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ; и въ спорѣ дѣло. Горшеня запѣлъ пѣсню, бояринъ везетъ, да везетъ. „До коихъ же мѣстъ везти тебя? — Вотъ до этого двора и до этого дому. Весело поётъ горшеня, противъ дому онъ высоко поднялъ. Осударь услыхалъ, выбѣгъ на крыльцо —призналъ Горшеню. „Ба! здравствуй, горшенюшка, съ пріѣздомъ!" — Благодарю, Ваше Царское величество. „Да на чемъ ты ѣдешь?"—На худомъто разумѣ, Осударь. „Ну мозголовъ, горшеня, умѣлъ товаръ продать; бояринъ! скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! немного послужилъ да много услужилъ— а ты не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну,

Г. НАРБУТЪ. 1906.

горшеня, прилетали гуси съ Руси?"— Прилетали. „Перышки ощипалъ, а по правильному покинулъ?" —Нѣтъ, наголо, Великій Осударь,—всего ощипалъ.

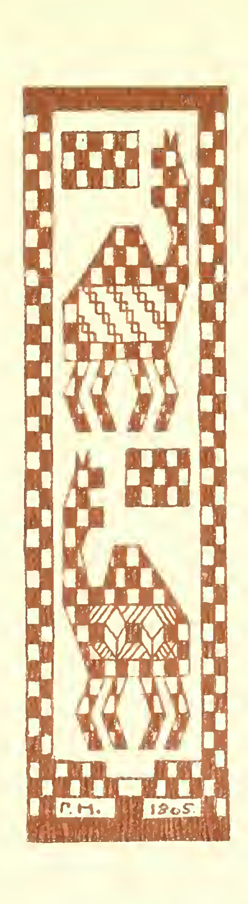

СНѢГУРОЧКА.

или-были старикъ со старухой, да не было у нихъ дѣтей. Сильно они о томъ сокрушались, и только глядя на чужихъ дѣтей утѣшались. А дѣлать нечего. Вотъ когда пришла зима, да пало молодого снѣгу въ колѣно,—ребятишки повыбѣжали на улицу, а старики подсѣли къ окошечку поглазѣть хоть на чужихъ дѣтей.

Ребятишки бѣгали, забавлялись и стали лѣпить бабу изъ снѣгу. Старикъ усмѣхнулся и сказалъ: „Пойти-бы

и намъ, жена, да слѣпить себѣ бабу!“ На старуху, видно, тоже нашла веселая минута.—Что жъ, пойдемъ разгуляемся на старости! Только на что тебѣ бабу лѣпить: будетъ съ тебя и меня одной. Слѣпимъ лучше себѣ изъ снѣгу дитя, коли не далъ живого Богъ. — „И то правда“... сказалъ старикъ, и они пошли во дворъ. Тамъ они и вправду стали лѣпить изъ снѣга куклу.

клали туловище, прилѣпили руки, ноги и голову. „Богъ въ помощь“ — сказалъ проходившій мимо по улицѣ странникъ.—Спасибо, благодарствуемъ!

отвѣтилъ старикъ. „Божья помощь ко всему хороша“ — прибавила старуха. Они вылѣпили носикъ, сдѣлали ямочки вмѣсто глазъ. И не успѣлъ старикъ отнять руки́ отъ ямочки для рта, какъ изъ нея пахнуло тепломъ, а въ двухъ другихъ ямочкахъ появились глаза. „Господи, да это, никакъ, навожденіе какое!“ сказалъ старикъ, перекрестившись.

— Да это намъ Богъ даетъ дитя — закричала его жена, съ радостью схватила Снѣгурочку и побѣжала съ ней въ избу.

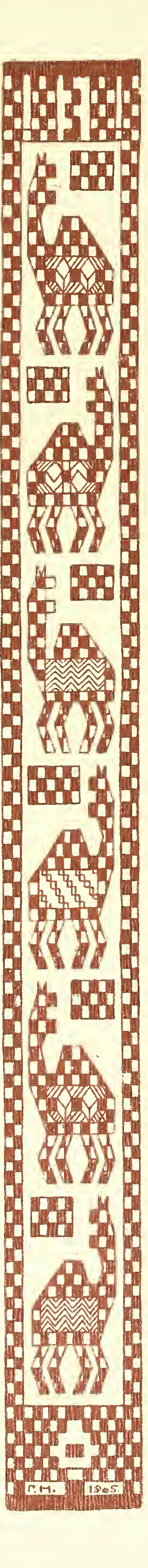

вотъ Снѣгурочка растетъ не по днямъ, а по часамъ, и что ни день, то все лучше, краше. Старички не нарадаются ею. Снѣгурочка такая сдѣлалась смышленая: все примѣчаетъ, все перенимаетъ и стала она въ зиму точно дѣ́вица лѣтъ шестнадцати. И такая добрая, послушная, ко всѣмъ привѣтливая. А собою она бѣле́хонькая, словно снѣгъ; глаза какъ незабудочки; руса коса ниже пояса. И всѣ любуются Снѣгурочкою, а старуха души въ ней не чаетъ.

рошла зима. Засіяло радостно на небѣ свѣтло-солнышко, пригрѣло землю. По проталинамъ зазеленѣла травушка-муравушка; по поднебесью начали щебетать Божьи птицы-пташечки. Ужъ и красны-дѣ́вицы собиралися въ хороводы подъ селомъ.

А Снѣгурочка что-то скучна стала. „Что съ тобой, мое дитятко?“ говорила ей старуха, приголубливая. „Не больна ли ты? ты все скучна-невесе́ла. Ужъ не сглазилъ ли тебя недобрый человѣкъ?“

А Снѣгурочка на такія рѣчи всякій разъ отвѣчала: — Ничего, бабушка, ничего, родимая, я здорова!

Вотъ уже и послѣдній снѣгъ согнала весна. Зацвѣли сады и зазеленѣли луга; все на Руси стало живѣй, веселѣй.

А Снѣгурочка все хилѣетъ, сердечная, еще сильнѣй скучаетъ, сторонится подружекъ и все прячется подъ тѣнь отъ красна-солнышка весенняго. Ей и любо только было плескаться у ручья со студеной водой подъ бѣлою березонькой. Ей бы все тѣнь да холодокъ, а и того лучше частый дождичекъ. Тогда она веселѣй бывала. А какъ одинъ разъ понадвинулась сѣрая туча да разсыпалась крупнымъ градомъ, Снѣгурочка ему такъ обрадовалась, какъ иная не была бы рада и жемчугу перекатному. Когда же опять припекло солнце и градъ взялся водою, она всплакалась по немъ такъ, какъ родная сестра плачетъ по братѣ.

риспѣлъ и Ивановъ день. Красны дѣ́вицы собрались итти на гулянье подъ бере́зоньки и зашли за Снѣгурочкой. И пристали къ старухѣ: „Пусти, да и пусти съ нами Снѣгурочку!“ Старухѣ страхъ какъ не хотѣлось пускать съ ними внучки, да и Снѣгурочка не въ охотѣ была съ ними итти, но не могли отговориться. Къ тому же старуха подумала: авось разгуляется Снѣгурка. И она принарядила ее, поцѣловала и сказала: „Поди же, повеселись съ подружками! а вы, дѣвки, поберегите мою Снѣгурочку... вѣдь она у меня, сами знаете, что порохъ въ глазу!“

— Хорошо, хорошо! — закричали онѣ. Весело подхватили Снѣгурочку и побѣжали гурьбой за околицу, въ рощу. Тамъ онѣ вили вѣнки изъ цвѣтовъ,

Г.Н.
1906.

пѣли, а когда закатилося красно-солнышко за лѣса, за горы высокія, наложили костеръ изъ соломы, запалили его, и всѣ въ вѣнкахъ стали въ рядъ одна за другою, а Снѣгурочку поставили позади всѣхъ.

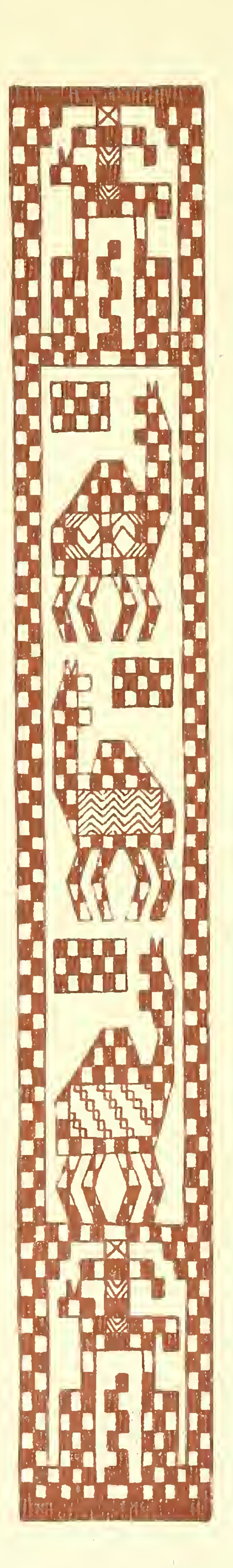
„Смотри же“—сказали онѣ: „какъ мы побѣжимъ, такъ и ты поспѣшай за нами и не отставай!“—И вотъ всѣ, какъ одна, затянувши Купалову пѣсню поскакали черезъ огонь.

Вдругъ что-то позади ихъ зашумѣло и жалобно застонало—ау, ау!

Испугались онѣ, оглянулись: нѣтъ никого.

Смотрятъ другъ на дружку и не видятъ между собою Снѣгурочки.—„А, вѣрно, она спряталась!“ и разбѣжались искать ее и нигдѣ не могли найти. Кликали, аукали—не отзывалась; порѣшили онѣ, что ушла Снѣгурочка въ село. Но и въ селѣ ея не было. Искали ее и на другой, и на третій день. Снѣгурочки не было и слѣдъ ея пропалъ.

Долго старикъ со старухою плакали по своей Снѣгурочкѣ; долго еще каждый день старуха ходила на то мѣсто подъ берёзки искать её: и все кликала она, словно кукушка бездольная:

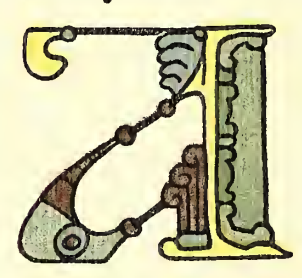

„Ау, ау! Снѣгурочка!
Ау, ау! голубушка!
У дѣдушки, у бабушки
Была внучка Снѣгурочка;
Ее дѣвки въ лѣсъ заманули,
Заманувши—покинули.
Ау, ау! Снѣгурочка!
Ау, ау! голубушка!“

И слышалось ей будто голосомъ Снѣгурочки отзывалось: Ау, бабушка, ау!

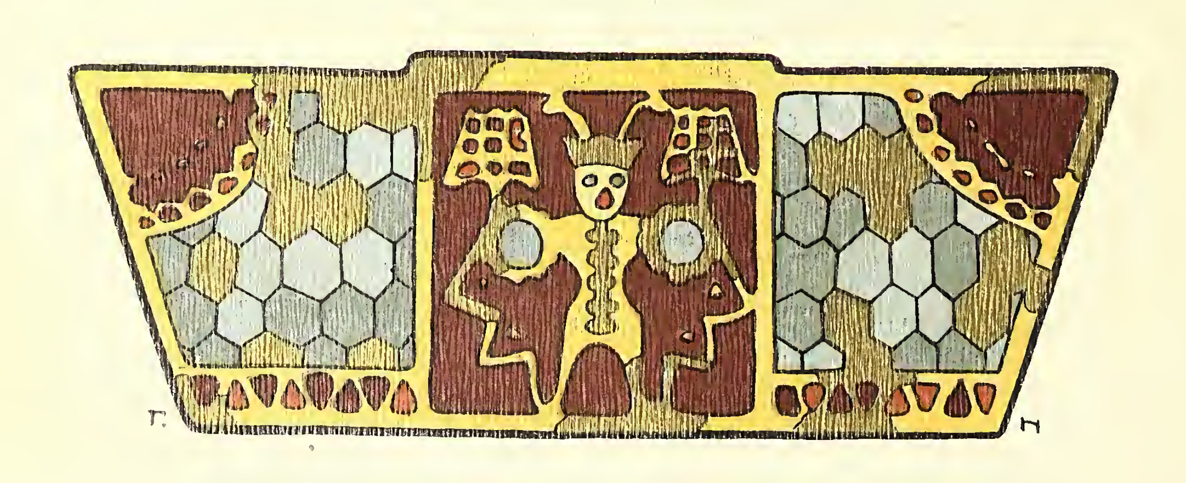
Снѣгурки же нѣтъ, какъ нѣтъ. Лютый ли звѣрь утащилъ ее въ дремучій сыръ-боръ, али хищная птица унесла ее на сине-море?

Нѣтъ, не лютый звѣрь унесъ ее въ дремучій боръ, и не хищная птица унесла къ синему морю, а когда Снѣгурочка побѣжала за подружками и вскочила въ огонь,—потянулась она вверхъ легкимъ па́ромъ, свилась въ тонкое облачко...и полетѣла въ высоту, высоту поднебесную.

старикъ со старухою на слѣдующую зиму захотѣли слѣпить изъ снѣгу другую Снѣгурочку, да снѣгъ и остался снѣгомъ и они какъ были безъ дѣтей, такъ и остались. Такъ ужъ, видно, имъ Господь судилъ.

Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

цѣна 75 коп.